

A movie poster for the film "My Papa - Bear". The background is a lush forest at night, illuminated by a large, full moon. In the center, a family is depicted: a muscular man with short brown hair and a beard, wearing a dark blue t-shirt, stands with his back to the camera, looking over his shoulder. Next to him is a woman with long brown hair, wearing a shimmering teal blouse, looking directly at the viewer. In front of them is a young child with blonde hair and blue eyes, wearing denim overalls over a light blue shirt, holding a brown teddy bear. The overall mood is mysterious and intimate.

Анна
Владимирова

Мой папа -
МЕДВЕДЬ

18+

Анна Владимирова

Мой папа - медведь

«Автор»

2026

Владимирова А.

Мой папа - медведь / А. Владимирова — «Автор», 2026

Я - разведенка-неудачница. Думала, что замужем по любви, а оказалась преданной и брошенной. А еще - муж выкрал у меня пятилетнего сына и увез за границу, превратив мою жизнь в нескончаемую череду консультаций с адвокатами и бессонных ночей. Но я не отчаиваюсь... Особенно теперь, когда у меня неожиданно появляется приемный сын Тишка, так похожий на моего родного, а в придачу к нему - дюжина коробок с живностью, от которой хочется переехать жить на антрисоли, да и те могут не спасти! Но делать нечего. Теперь по утрам я кормлю огромного паука, выгуливаю полоза и ловлю на занавесках бананоеда. Зато унывать некогда! Только вскоре объявляется отец Тишки, и я понимаю, что готова не только перестать бояться мохнатого паука, но и вступить с ним в преступную связь, чтобы засунуть его этому папаше в штаны!..

© Владимирова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	25
Глава 3	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Мой папа - медведь

Пролог

Раннее утро.

Дым. Сочится между верхушек деревьев... И вот он — рукой подать, ползет прямо под вышку! Откуда?!

— Что за...? — вырвалось у меня, и я уронила чашку с чаем на пол и бросилась на смотровую площадку, на ходу хватаясь за бинокль. Я же только час назад проверяла, и все было чисто! Руки взмокли и задрожали. Дым под вышкой... Как же так?! Откуда?! Туристы просочились? Браконьеры? Нет, жара стоит пиковая, но... она и в прошлом году стояла, и месяц назад... Черт, откуда?

Глядя в бинокль, я металась взглядом по зеленому хвойному ковру, окутанному дымом, и никак не могла разобрать, откуда это все идет и где начинается. Ни дуновения ветра, чтобы хоть как-то разобрать...

Может, коттеджный поселок? Но он далеко... Нет, вряд ли. Что-то на дороге?

— Вот же твою мать! — взвыла я и бросилась к УКВ-рации: — «Рассвет-Базе», приём, это «Глухарь».

Голос охрип, во рту пересохло. Плохо. Это было очень плохо...

— База на связи, — проскрипело в радиии через мучительно долгие двенадцать секунд.

— Дымовой очаг, прямо под базой! — вскричала я.

На этот раз ответили быстрее, голосом, наполненным пониманием ситуации:

— Принято, «Глухарь». Что по ситуации?

— Час назад было чисто! Тип дыма — белёсый, рыхлый, чувствую запах гари. Предполагаю низовой пожар, свежий. Возможно, что-то на дороге. Очень на это похоже.

— Огонь видишь?

— Только дым, — просипела я, косясь в сторону стекла. — Без усиления. Не могу определить дальность, встает с подлеска...

— Высылаем мобильный патруль из ближнего пункта. Будь на связи, каждые пять минут подтверждение.

— Принято.

Я тяжело сглотнула и бросилась к столу, на котором под картой стоял полевой телефон. На этой неделе лесничим у нас дед Гриша. До него дозвониться вышло только с пятой попытки.

— Дед Гриш, это Диана. Под моей вышкой дым!

Дед ахнул в трубке, потом что-то стукнуло-грохнуло.

— Понял, Ди, — наконец, каркнул он мне. — Огонь видишь?

— Дым. Пока только дым.

— Я туристов видел двоих в том районе, костёр, вроде, затушили. И все.

— Я спущусь. Гляну.

— Не смей! У тебя вода есть?

— Пять литров.

— Не ходи!

— Там только дорога лесная к базе, — начала было я, когда вдруг послышались звуки выстрелов.

— Ди?

— Дед Гриш, — прошептала я, — стреляют будто...

— Вот же Леший его дери! Сиди и не суйся! Звони на базу, докладуй! Я сам тоже наберу наших полицейских! И к тебе сразу...

Тут округу сотряс звериный рев, а следом снова прозвучало несколько выстрелов. Я выронила трубку, и звонок оборвался.

— Черт-черт-черт...

Я упала на коленки и поползла к краю обзорной площадки, запоздало соображая, что можно было бы и дойти. До меня тут вряд ли достанут... Только стоило мне высунуть нос за ограничение, послышался взрыв.

«Бензобак», — промелькнуло в голове.

Дым повалил гуще и чернее, взметнулся к небу клубами и накрыл вышку. Ну точно машина. А рев? Медведь? Напал на машину? Господи, что за Голливуд тут у меня случился в глуши? Спокойно ж работалось столько времени!

Я снова схватилась за рацию, когда внизу вдруг послышался детский плач. Ноги онемели, рация выпала из рук, но я впилась ногтями в ладони, чтобы привести себя в чувства и броси-

лась вниз сломя голову. В груди полыхало адреналиновым пожаром, пока я пикировала с лестницы на нижнюю площадку, не иначе. В два прыжка пронеслась к люку и глянула из него вниз.

Возле спусковой лестницы стоял ребенок! Он оглядывался то на лес, то запрокидывал голову вверх, и я видела его заплаканное и испачканное лицо.

— Я сейчас! Иду к тебе! — заорала я и сиганула с лестницы безмозглой мартышкой.

Мальчик оказался перемазанным в грязи с ног до головы. Светлые волосы слиплись и намокли, на чумазых щеках белели только дорожки от слез. Он вцепился в меня мертвой хваткой, стоило мне приблизиться, и принялся всхлипывать так, что у меня в груди все сжалось. Я стиснула его крепче, огляделась и прислушалась — никакого треска, характерного для распространяющегося пожара, но дым все еще затягивал округу мутной пеленой. Криков тоже не было слышно. Если там, откуда взялся ребенок, кому-то нужна помощь, то с ребенком я ее не окажу и самого его не брошу...

Я подхватила мальчика на руки, усаживая его на бедро, и, крепко прижав к себе, поползла вверх по лестнице. Малыш затих, держась за меня все также цепко, и вскоре мы ввалились на нижнюю площадку смотровой базы. Я поставила его на ноги, а сама принялась закрывать двери на все засовы и, подумав, пододвинула на люк еще и тяжелый мешок со шлангом. Мало ли, кто там стрелял...

— Фух, — вздохнула я и перевела взгляд на мальчика. — Все хорошо. Как тебя зовут?

— Тиша, — тихо всхлипнул он.

— А я — Диана. Тиша, а ты один был, когда потерялся?

Он мотнул головой.

— А с кем?

Но Тиша только замотал головой энергичней.

— Тиш, может, кому-то еще нужна помощь там?

— Нет, никому, — уверенно возразил он и задрожал, напряженно хмурясь.

— А сколько тебе лет? — погладила я его по голове, и он всхлипнул:

— Пять.

— А родители твои где?

— Папа в командировке, — совсем стих его голос. — А мамы нету.

— Тиш, а что там случилось?

— Я потерялся, — и он снова начал плакать. — Я хочу к папе...

Я прижала его к себе и обняла, приговаривая:

— Мы найдем папу. Ты в безопасности, все хорошо будет...

Когда он затих, я заглянула в его лицо:

— Тиш, пошли приведем тебя в порядок? У меня есть печенье с шоколадом. Ты любишь печенье?

Он кивнул.

— Вот и славно. — Я поставила его на ноги и подала ему руку, но он вдруг протянул мне обе в молчаливой просьбе взять его на руки снова.

Я не смогла отказать. Прижала его к себе и понесла в ванную. Воды у меня оставалось немного, но ребенка так не оставишь. Тиша вел себя по-взрослому. Он сам разделся и аккуратно сложил вещи на стул, а я его сполоснула, отмыв от грязи. Голову ему мы вымыли вдвоем — я поливала, а он со знанием дела смывал шампунь. Когда мы закончили, обнаружилось, что у него довольно светлые волосы, а на коже — россыпь ссадин и синяков.

— Сейчас обработаем, — сообщила я. — Не боишься?

Он мотнул головой. Когда мы закончили с его ссадинами, рация ожила:

— «Глухарь», это «База», прием!

— Мне нужно ответить, — сообщила я Тише, отложив пластыри. — Сейчас вернусь.

— Что у вас там? — спросил диспетчер, когда я ответила. — Почему молчите столько времени?

— Ко мне из леса вышел ребенок, пять лет, зовут Тиша. Сейчас занимаюсь им.

— Ребенок пострадал от ожогов?

— Нет, но на нем много ссадин. Вероятно, пока продирался через лес.

— Ему нужен врач?

— Ничего экстренного не вижу.

— Что по огню?

— Признаков продвижения пламени нет, — я выглянула в смотровое окно, — даже дыма уже нет. Есть подозрение, что горела машина на дороге. Я слышала взрыв, похожий на разрыв бензобака.

— А ребенок что говорит?

— Он травмирован эмоционально. Говорит мало.

— Принято. Ну, наши там разберутся, а ты пока держи ребенка у себя.

— Естественно.

Когда я вернулась к Тише, он все также смотрел вниз.

— Тиш, пойдем пожужим вкусного? У меня печеньки есть...

Мальчик кивнул и снова залез мне на руки. Вместе мы прошли в кухню, где я усадила его на стул возле окна.

— Тут потрясающий вид на лес, — осторожно улыбнулась я. — Я тут живу и смотрю, чтобы пожар не начался.

Он молча смотрел вниз. Я сделала ему какао с молоком, насыпала печенья в миску и поставила перед ним.

— Поешь, — подтолкнула миску к нему. — Ты в безопасности, все хорошо...

— А к тебе сюда никто не сможет попасть?

— Никто не сможет. Тут такой засов специальный, что с другой стороны не открыть. Только я сама могу впустить кого-то.

— Ты не впускай, ладно?

— Ладно.

Он потянулся за печеньем и вдруг набросился на него с неожиданной жадностью.

— Тиш, а папа будет беспокоиться, наверное? Может, ему можно позвонить?

Тиша мотнул головой.

— Он уезжает в командировки, и я не могу ему звонить, — сообщил серьезно. — Он выключает телефон. У него серьезная работа.

— А как его зовут?

— Кирилл.

— А кто он?

Мальчик сосредоточенно прожевал печенье, сделал большой глоток из чашки и вытер молочные «усы».

— Мой папа — медведь.

Глава 1

Тиша уснул почти сразу после того, как наелся печенек, но постоянно вскидывался и всхлипывал во сне. Приходилось держать его за руку и гладить по головке, успокаивая шепотом, что он в безопасности. Но на звонок, протрещавший в тишине станции, подскочил и испуганно заозирался.

— Не волнуйся, все хорошо, — спокойно попросила я.

— Не открывай! Не надо! — вдруг взвыл он на одной ноте и ударился в панику.

Я поймала его у стола, и прижала к себе, усевшись на пол. Стоило усилий его успокоить.

— Тиш, — гладила я мальчика по голове, прижимая к себе крепко и раскачивая на коленях, — ну, нам же надо найти твоего папу, да?

Он судорожно вздохнул.

— Слушай, там внизу — мой друг дед Гриша. Он — хороший, много про лес знает. Лесничий. Я его знаю давно. Он пришел, чтобы провести нас.

Тиша задышал часто, а у меня затрезвонил полевой телефон. Я кое-как дотянулась до него, едва не свалив со стола станцию.

— Диан, наши говорят, у тебя там ребенок приболудился? Вы на станции?

— Да, просто он очень напуган. — Я глянула на Тишу. — Откроем Грише?

Мальчик кивнул.

— Сейчас, Гриш, иду...

Когда дед поднялся ко мне, Тиша забился под стол. Несмотря на годы, дед Гриша не потерял военной осанки, да и дедом его язык бы не повернулся называть, если бы он сам себя так не называл. Да, весь поседевший, лицо суровое, кожа огрубевшая от непогоды, густые брови, за которыми сложно разглядеть ясные голубые глаза, но он казался мне человеком, который просто много пережил, а от того и задубел, но не постарел.

— Ну, что там? — спросила шепотом я.

Но дед Гриша не спешил отвечать. Кивнул мне только загадочно и направился к Тише.

— Привет, малец, — присел он рядом со столом, — ты как? Как звать-то тебя?

— Тиша, — тихо ответил тот.

— А полное имя?

— Тимофей.

Дед Гриша кивнул и обернулся ко мне:

— Он цел?

— Обработали ссадины. — Я подошла к ним и села на полу. Только Тиша сразу вылез и забрался ко мне на колени.

— Смотрю, нравится тебе наша Диана? — улыбнулся дед. Тиша кивнул. — Диана хорошая, да... — Он поднял на меня взгляд. — Служба опеки сегодня не приедет. Ты можешь оставить его у себя?

— Конечно, — кивнула я растеряно. — Но Тиша говорит, что у него есть папа.

— Вот как? — протянул дед. — А где папа твой, Тимофей?

— В командировке.

— А живете вы где с папой? В поселке, что недалеко?

Тиша кивнул.

— Стало быть, сегодня ты был с кем-то другим...

— Я был с другом. Он и папин, и мой... друг, — и Тиша вжался в меня крепче.

— На вас напал кто-то, да?

Тиша судорожно кивнул.

— Ты только помнишь ведь правила, да, Тимофей? Как вести себя с Дианой?

Я нахмурилась:

— Да какие правила, дед Гриш... — усмехнулась растеряно.

Но тот отрицательно качнул головой, дожидаясь кивка от мальчика.

— Молодец. Держись, Тиш. Мы найдем твоего папу... Диан, поможешь мне воду поднять? У меня две пятилитрушки...

Когда я спустилась вниз, дед Гриша хмуро сообщил:

— Там и правда сгоревшая машина на дороге. Следы борьбы, стрельбы и труп мужчины. Вероятно, он защищал ребенка.

— Какой кошмар, — прикрыла я рот ладонью. Стало страшно представить, что именно пережил Тиша. — Гриш, ему понадобится помощь психолога...

— Пока что ему нужно почувствовать себя в безопасности. Он доверяет тебе.

— Но, он ведь говорит, что живет в поселке, — возразила я.

— Опера уже проверяют, — нехотя отозвался дед.

— Что такое?

— Мальчишку жалко. Что там еще за папаша — не известно. Как ребенок оказался в такой опасности, предстоит выяснить.

— Но ведь службы опеки не будут это выяснять. Найдут отца и вернут...

Что-то царапнуло в груди, и я обняла себя, ежась от прохладного ветра с легким запахом гари.

— Это да. Не будут... — И он задумчиво почесал бороду.

— Так, а с меня ничего не нужно? Документы какие-нибудь заполнить, что ребенок пока со мной?

— Та какие там! — махнул дед рукой рассеяно. — Будем на связи. Как что выясню, дам знать. Ну и ты держи в курсе, как Тимофей себя вести будет.

— Ладно, — вздохнула я.

— А у тебя как дела? — просил он, вытаскивая сигарету. — Ничего... не слышать?

Я сжалась и коротко мотнула головой. Один вопрос, а меня на какие-то мгновения словно раздавило атмосферным давлением. Захотелось лечь на землю и почувствовать, как голова уходит в рыхлую почву...

— Ди?

Я резко вздохнула и тряхнула волосами:

— Нет, Гриш, все по-прежнему. Никаких вестей о сыне...

Дед Гриша раздраженно чиркнул спичкой и прикурил.

— Не теряй надежды, Ди. Жизнь не кончена. А всякой твари воздастся. — Он выдохнул дым и перевел взгляд на станцию. — А Тимофей, кажется, редко кому-то доверяет. Но к тебе бросился за спасением. Представляю, как он рад, что встретил тебя здесь. Сам ангел послал...

— Да уж, как в кино, — поежилась я.

— Ну, спокойной ночи вам обоим. Спите спокойно. Я утром зайду.

Денек выдался нервным. Последние силы ушли на то, чтобы допереть пятилитрушки наверх. Здесь в округе не было источников воды, и такими бутылками вполне можно было бы расплачиваться. Каждый раз, когда смена заканчивалась и приходилось возвращаться в город, я чувствовала себя так, будто перехожу границу миров. Менялось все — скорость течения времени, люди, ценности. А еще — одиночество становилось невыносимее.

Тиша нашелся на диване. Он сидел, прижав коленки к груди, но на мое появление встрепенулся.

— Дед Гриша нам воды подогнал, — улыбнулась я. — Ты как?

— Нормально, — заверил он меня серьезно. — Печенек много съел.

— Сейчас приготовим нормальный ужин. Ты спагетти любишь?

Он кивнул. Вообще, Тиша казался слишком взрослым, и мне подумалось, что отца он видит редко, раз ему пришлось так повзрослеть в свои пять лет.

Интересно, когда именно найдут его отца и в какой он командировке? Казалось, ведь это несложно сделать. Обратиться в поселок, объяснить ситуацию, выяснить контакты... Почему все так затягивается?

Насколько я знала, в том поселке проживали люди далеко не бедные. Территория там была закрытая, охрана на въезде, забор по всему периметру — не просочиться. Дед Гриша отзывался о них на удивление положительно. Что за природой они смотрят, ничего не нарушают, мусор не разбрасывают и вообще я редко слышала, чтобы Гриша отзывался о каких-то людях положительно.

Но как так вышло, что Тиша оказался за пределами поселка? Может, его похитили? Хотели выкуп стребовать у богатого папаши? Блин, а наши следователи тут еле чешутся! Даже не приехали за ним. А ведь он видел, что произошло на дороге.

При этой мысли меня снова раздавило, и я присела на диван рядом с Тишей. А он, как котенок, влез ко мне на колени и прижался всем телом. Так мы и замерли. Я — оглушенная трогательным доверием ребенка, а Тиша — в поисках защиты.

Сердце защемило от воспоминаний, когда я вот также держала своего сына на руках, как пела ему песенки на ночь... Я сжала Тишу крепче и поцеловала в макушку, забывшись.

— Слушай, — смущенно прошептала я, — давай ужинать, да?

— Хорошо, — сонно ответил он и зевнул.

— А ты в садик ходишь? — поинтересовалась я, устраивая его в пледе.

— Да. В «Зеленый лучик», — ответил он тихо. — В группу с математическим уклоном.

— А я-то думаю, почему ты такой умный, — улыбнулась я. — Молодец, Тиш.

— Я люблю считать.

Он заметно оживился, когда я начала готовить. Даже принялся болтать ногами, с интересом рассматривая комнату.

— Нравится тебе у меня? — улыбнулась я.

— Угу. Высоко так!

— И мне тут нравится. Высоко сижу, далеко гляжу...

— Я бы хотел тут жить.

— Ну, маленьким мальчикам лучше жить дома, Тиш. А когда вырастешь — вполне...

— Я бы хотел, чтобы у меня был такой дом, — заключил он, продолжая крутить головой.

— А у тебя разве плохой дом?

Тиша помрачнел.

— Папа постоянно в отъезде. А я живу с Риммой.

— А она...

— Она — моя сиделка. — И он тяжело вздохнул.

— Понятно. — Его мрачное настроение снова передалось и мне.

Брошенный в одиночестве ребенок чувствует себя ненужным, и это безумно грустно. Мысли снова скакнули к моему собственному сыну. Он же сейчас точно также себя чувствует с папашей за границей. Новая жена бывшего моим сыном вовсе не интересуется, сам Игнат также весь в бизнесе...

— А у тебя есть дети?

Луковица выскочила из пальцев, и я едва не порезалась, надавив на нож. Вопрос застал меня врасплох.

— Да, есть. Сын.

— А как его зовут?

— Рома.

— А он где сейчас?

— Он... с папой живет.

— А с тобой? С тобой живет?

— Должен бы. Но... однажды папа его не вернул, а потом я выяснила, что он увез его за границу. И с тех пор я Рому не видела, — глухо закончила я. — Тиш, а ты любишь грибы?

— Да. Со сметаной. Рустам часто так готовил...

— А кто такой Рустам?

— Папин друг. Он за мной смотрел в этот раз, потому что у Риммы заболели внуки. — И Тиша сник, съежился в плече, и стало понятно, что именно Рустам сегодня и погиб. Я думала, Тиша больше не спросит ничего, но он вернулся к болезненной для меня теме: — Ну а как же Рома без тебя?

— Я не знаю, — прошептала я. — Но очень надеюсь, что с ним все хорошо.

— Если бы у меня была мама, и я бы знал, что она такая, как ты, я бы очень по тебе скучал. И хорошо бы мне не было.

Я всхлипнула и зажмурилась в попытке сдержать слезы. Но несколько все же прорвались из глаз, и пришлось вытереть их ладонью.

Странный день...

— Ты очень по нему скучаешь, да? — участливо спросил Тиша.

— Угу.

— Может, его нужно хорошенько поискать? Мой папа это умеет.

— Это отлично, — улыбнулась я, — значит, он и тебя быстро найдет и не потеряет надолго.

Тиша вздохнул:

— Он найдет и снова уедет...

— Знаешь, иногда родители вынуждены постоянно уезжать. И ничего с этим поделать не могут. Им нужно работать...

— Я знаю, — покладисто кивал Тиша, — Римма мне тоже так говорит.

— Она тебе нравится?

— Да, она хорошая.

— Ну, вот видишь, папа позаботился, чтобы тебе в его отсутствии было хорошо.

— Пожалуй.

Я снова удивилась, как осмысленно и по-взрослому со мной разговаривает этот малыш. Ну прямо вундеркинд! А ведь не будет у него все как прежде. Ну какой папа оставит сына вот так вот под присмотром тех, кто не оправдал доверия? Наверняка увезет ведь, и не будет у Тиши больше Риммы...

Погруженная в эти мысли, я выложила спагетти на тарелку, заправила соусом и обернулась к столу... чтобы обнаружить, что Тиша уснул.

— Кир, сейчас лучше не соваться...

Я медленно втянул холодный ночной воздух, чувствуя, как впервые за долгое время теряю контроль. Над всем. По спине прошел озноб, дыхание потяжелело... Я смотрел на огни аэропорта Рейкьявика, и они расплывались перед глазами в яркую пульсирующую кашу...

— Ты серьезно? — слабо выдохнул я, но тут же рявкнул на всю парковку: — Не соваться?!

— Завтра, когда оттуда все уберутся, я выдвинусь на поиски Тимофея, — невозмутимо продолжал Лео.

Знал, что я все равно приму эту реальность, и давал хорошенько проораться... А я приму? Черта с два.

— Что с... — в горле стал ком. — Что с телом Рустама?

— Забрали следователи.

— Как его убили?

— Я не знаю.

— Как его выманили вообще?! — снова повысил я голос.

— Пока ничего не знаю! — прорычал он в ответ. — Это случилось. Все. Только принять и действовать.

— Если моего сына забрали, то его уже нет в живых, — с трудом выдавил я, и горло окончательно парализовало.

— Уложили бы рядом, — глухо выдавил Лео. — Короче, я жду тебя. Пока что руки связаны. Если начну там шариться сейчас, то никого мы с тобой не найдем.

Я понимал, что это решение далось Лео очень тяжело. Он был прав.

— Есть идеи, кто? — добавил он тихо.

— Ты сам знаешь, — процедил я и заходил туда-сюда вдоль стенки, как загнанный зверь.

Перед глазами попеременно вспыхивали образы сына и Рустама... а потом обугливались, будто старые фото над горящей спичкой...

Как же так? Как эти твари вообще сунулись? Исподтишка, дождались, когда уеду... И ведь, наверное, не знали, что Рустам приехал ко мне на неделю, чтобы дух перевести и раны затянуть. Если бы не он не был ранен...

Прости, Рус, что втравил тебя в это.

Прости, друг...

В памяти замелькали картинки из прошлого. Мы всю жизнь были вместе. С детства. Я, Рустам и Лео... Никогда ничего не боялись, но судьба благоволила. Все трое прошли спецподготовку, начинали карьеры телохранителями в охранных организациях. Потом дорожки разошлись. Рустам остался верен себе и подался в военные спасатели. Лео ушел в отдел специального реагирования, а я — в частную практику. Ну, как в частную... В довольно специфическую практику. Конечно, друзья не одобряли, но меня все устраивало, и никаких проблем с совестью не было.

Пока не появился Тишка...

С сыном все стало сложнее. У меня появилась слабость, и приходилось хорошо ее прятать, постоянно меняя места жительства. Я десятки раз спрашивал себя, зачем вообще повесил этот груз себе на шею. Но ответа не было, а груз уже был. И не только груз. Я привязался к Тишке. Меня рвало на части от желания дать ему все то, чего не было у меня, и опасностями, которые предполагал мой образ жизни. Я даже подумывал о том, чтобы все бросить и податься в более-менее спокойное русло...

Только поздно теперь.

— Через сколько ты вылетаешь?

— Рейс через полтора часа, — ответил я машинально.

— Я тебя встречу.

— Не нужно...

— Нужно, — отрезал Лео. — Позволь мне это. Я хочу тебя видеть.

Я еле сдержал смехок. Ведь нам обоим ясно, что это я виноват в гибели Рустама. Мой образ жизни, моя дерзость, непоколебимая уверенность в силах. Да что там, я втайне считал себя самым успешным из нас троих. Я рискнул жить так, как хотел, всем назло, и получил множество возможностей. Плевать хотел я на опасности...

— Ладно. Пока.

Я отбил звонок.

И снова остался в одиночестве. Аэропорт гудел турбинами самолетов, шумел голосами людей, сигналами такси и вонял... Кого я обманывал? Я такой же, как и все. Мне нужны пере-дышки, тишина, запахи леса, дыма от камина, геля для душа и зубной пасты. А больше всего в последнее время я любил запах волос Тишки. Когда я приезжал, мелкий спал со мной, и я с таким упоением утыкался носом в его волосы. Они пахли домом...

Пальцы стиснулись в кулаки.

Никто от меня не уйдет живым из тех, кто виноват в том, что у меня не стало Рустама и Тишки...

Тиша проспал как убитый до зари. Я же ворочалась с боку на бок всю ночь, перебиваясь коротким сном. Когда рассвело, тихонько прокралась в уборную, привела себя в порядок и вышла на площадку. Стояла духота, небо затянуло тучами, а по прогнозу сегодня был ливень. Хорошо. Значит пожарная опасность снизится в разы и даст передышку пожарным.

Мне же завтра предстояло ехать в город на очередную встречу с юристом. Еще одну из череды бесполезных встреч. А потом еще на одну. Уже не такую бесполезную, но далеко не в мою пользу.

А все потому, что я усложнила себе и без того сложную жизнь, устроив скандал в доме свекрови.

Мать моего бывшего — единственная связь, которая у меня осталась с сыном. И я ничего не могла поделать, кроме как тянуться к этой связи в надежде хоть на какие-то крупички новостей о сыне. Мы виделись со свекровью раз в неделю. Я звонила ей, она назначала время и высокомерно снисходила до очередной встречи.

Зинаида Васильевна была теткой холодной и высокомерной. Она была убеждена, что это я во всем виновата — что брак наш с Игнатом распался, и что он вынужден был увезти сына от меня подальше. Но я все это терпела, потому что свекровь, в отличие от меня, моего сына и слышала, и даже видела. На последней нашей встрече она невзначай бросила мне, что летит за границу. К сыну. И у нее не так много времени, чтобы утешать меня в этот раз, поэтому я должна была убраться как можно быстрее. И я потеряла контроль. Помню, что сначала меня вогнало в ступор. Потом началась истерика. Я кричала на нее, высказывая за все, что копилось внутри. Даже что-то разбила... Она скакала вокруг меня, обзывала придурочной, угрожала вызвать участкового, а потом все же подала на меня заявление...

И вот теперь мне нужно встретиться с кем-то в отделении, объяснить все... Господи, как же я устала...

— Ди...

Я поспешно вытерла слезы и обернулась:

— Привет, Тиш, — улыбнулась и шмыгнула носом.

— Ты плачешь, — заключил он, глядя на меня внимательно. — Снова думала о Роме?

Ну какой же ты проникательный для своих лет!

— Да. Я всегда плачу, когда думаю о нем. — Я направилась к нему и присела рядом. — Ты вчера уснул и не дождался спагетти. Голоден?

Он кивнул.

— И печенье еще хочется.

— Конечно, — улыбнулась я.

И внутри немного потеплело. Несмотря на то, что за пределами станции пустился тот самый ливень из прогноза, атмосфера завтрака разгоняла потихоньку мрачное скопление туч в душе. Тиша снова болтал ногами, с аппетитом уплетая и спагетти, и какао с печеньем, и тем самым вызывал во мне приступ умиления.

— А Ромка у меня плохо ест, — улыбнулась я. — Ты молодец.

— Римма говорит, что в лесу аппетит всегда лучше. Ромке нужно в лесу жить, с тобой... — И он пригорюнился. — Диана, а меня заберут сегодня?

— Я не знаю, Тиш. Но это ведь хорошо, если папу найдут, да?

— А ты будешь меня навещать? — с надеждой посмотрел он на меня.

— Конечно. Мы же друзья, Тиш.

— Правда?

— Правда. Ты хороший очень, а с хорошими людьми всегда приятно проводить время. И мне с тобой тут лучше, чем в одиночестве.

— Да? — просиял он.

— Да. Одному долго быть плохо.

Он ненадолго задумался.

— Мой папа один. Долго. И, наверное, ему тоже одному плохо.

— Очень может быть.

— Может, он поэтому... такой?

— Какой? — осторожно поинтересовалась я.

— Ну, он когда приезжает, молчит долго. Но позволяет мне с ним спать. Мне с ним лучше спится. Я люблю, когда он приезжает.

— Да, это всегда радостно, когда к тебе возвращается тот, кого очень ждешь...

Дождь встал стеной. Забарабанил по жестяной крыше станции, затарахтел в окна и подернул горизонт плотной ватой тумана. Мы с Тишей допили чай и сели смотреть альбом станции.

— Хранение и дополнение альбома — одна из обязанностей смотрителя, — рассказывала я, благоговейно проводя рукой по первой странице, которая пожелтела от времени. — Эта станция работает с начала семидесятых годов. Смотри, — и я указала ему на пожелтевшее фото, — вот на этой фотографии — первый смотритель, Семен Петрович Говорушин.

Тиша слушал, открыв рот.

— А что это у него в руках?

— Это огнетушители. Тогда смотрители принимали участие в тушении пожаров.

— А сейчас?

— Сейчас только в крайнем случае.

— У тебя тоже есть огнетушитель?

— Да.

Следующие полчаса я показывала ему свой шкаф со спецодеждой, и Тиша внимательно читал каждую надпись и инструкцию, осматривал огнетушители и каски.

— Я бы хотел быть пожаротушителем в лесу, когда вырасту, — выдохнул он заворуженно.

— Думаю, ты будешь отличным спасателем и пожарным.

Когда мы вернулись к столу, Тиша принялся листать альбом и читать подпись к каждой фотографии вслух.

— А твои фото тут есть? — спросил он, не отрываясь от альбома.

— Нет еще.

— А будут?

— Знаешь, я почему-то не собиралась вставлять туда свои фото, но теперь передумала, — подмигнула ему я. — Нужно будет сделать фото с тобой и оформить в журнале страничку.

— Будет здорово! — воодушевился Тиша. — На телефон?

— Да. — И я направилась к нему, захватив мобильник с холодильника.

Мы немного повозились с камерой и настройками, но в итоге у нас получилось несколько фотографий вдвоем — на фоне леса, на диване, перед окном.

— Классно, Тиша, — листала я фото, — когда попаду в город, распечатаю их. Для тебя и для себя. И для альбома. Какую для альбома сделаем?

Я наклонилась к нему, показывая экран.

— Вот эту, на фоне леса... — И он вдруг обнял меня за шею и прижался щекой на пару секунд.

Интересно, что же случилось с его мамой?

И тут меня парализовало от фантазии, что, может, папа Тиши такой же, как мой бывший? Может, мама у Тиши есть, но ее, как и меня, лишили возможности видиться с сыном?

«Да ну, что за глупости? — одернула я себя. — Не все же дети без мамы в такой ситуации, как мой сын...»

Мне хотелось позвонить деду Грише или на базу по поводу дальнейших планов относительно Тиши, но он услышит ведь. Подумает еще, что я хочу от него избавиться. Нет. Нужны будем — сами нас найдут.

Только про нас будто забыли вовсе. Чудно, конечно, но ничего было не поделать.

Я приготовила на обед яичницу с колбасой, и Тиша также с аппетитом ее уплел. А после обеда мы сели изучать рацию и карты местности. Ребенок с такой жадностью все впитывал, будто аппетит к новому у него был таким же, как и к еде. Вторая пачка печенья подошла к концу к вечеру. Мы говорили с Тишей обо всем. Когда на станции не осталось ничего такого, чем можно удивить его, начал рассказывать он. Сначала про животных, которые водятся в этом лесу. Потом про насекомых и птиц. Оказалось, что у Тиши дома есть муравьиная и бабочковая ферма, целая семья мадагаскарских и аргентинских тараканов, целый террариум со змеей, гекконы и прочая живность. Теперь пришла моя очередь слушать, открыв рот.

— И ты за всем ухаживаешь сам? — искренне удивлялась я.

— Это не сложно, — заверил он меня. — Бананоед Санчес ест всего лишь два раза в неделю, а полоз Криспер — раз в месяц. У меня есть график обедов для них...

— Классно. Я бы хотела посмотреть на всех твоих домашних питомцев.

— Я обязательно тебе покажу, когда ты приедешь к нам! — радостно кивал Тиша. — И Роме покажу, когда он к тебе вернется. Он ведь вернется?

— Я очень на это надеюсь.

Я никогда еще не говорила о Роме вслух столько, сколько сегодня с Тишей. Стало казаться, что у меня и правда все наладится, а вспоминать Рому становилось все легче. Благодаря Тише, вся моя трагедия казалась совсем не такой ужасной. Вот Тиша и правда пережил трагедию — на его глазах умер друг отца... Мда, это странное свойство нашего мозга — уменьшать собственные тревоги на фоне чужих. Но Тиша заслуживал другого — любящую маму и папу, который был бы рядом.

Когда Тиша уснул, я вышла на площадку и вздохнула полной грудью. Запах леса после дождя горчил от настоявшихся густых ароматов хвои и сырой земли. Пахло грибами и, казалось, немного осенью. Как же медленно тянется время тут! Да и вообще... Я будто увязла в одной минуте и все никак не могу из нее выбраться — в той самой, когда приехала забрать сына у свекрови, а его там не оказалось... И только сегодня с Тишей жизнь будто сделала робкий шаг вперед.

Тут мое внимание привлек какой-то шорох внизу. Я опустила взгляд на подножие станции и замерла, всматриваясь в область света, которую давал фонарь. Сначала шум был еле слышным — то там треснет сучок, то там что-то зашелестит. Но потом звуки слились в один окрепший поток, который мог показаться новым приступом дождя, но тут из-за деревьев на площадку вышел медведь.

Я замерла и затаила дыхание.

Зверь покрутил головой, принялся... и вдруг задрал голову, замечая меня на площадке. И тоже застыл. Смотрел долго, пристально, и только мокрый нос поблескивал в свете фонаря. Потом медведь отчетливо фыркнул. А я спохватилась и бросилась в комнату за телефоном. Не дай Бог дед Гриша придет! Надо его предупредить!

Прокравшись в комнату, я вытащила телефон на площадку и глянула вниз. Медведя видно не было. Как и слышно. Как назло, дед Гриша трубку не брал.

— Да что ж это такое... — ворчала я, продолжая дозваниваться.

Но тщетно. Пришлось возвращаться в комнату и братья за рацию.

— У меня под базой медведь, — сообщила я диспетчеру. — Не могу дозвониться до лесничего.

— Дед Гриша в город уехал.

— Сообщите ему, пожалуйста, — попросила я. — И всем остальным, кто поблизости.

— Сейчас уже поздно, Ди, и нет никого.

Я оглянулась на спящего Тишу и решила все же поинтересоваться.

— А по поводу ребенка, который живет у меня, нет никакой информации? Сегодня никто так и не пришел.

Диспетчер ненадолго задумался.

— Нет. Приходили к нам сегодня следователи, спрашивали, когда пожар засекли и все такое.

— Странно...

— Да неповоротливые они у нас тут. Расслабленные. Долго все у них. У вас нормально?

— Да, нормально, — вздохнула я.

Что же мне делать? Брать Тишу завтра с собой в город? Ну, не брошу же я его здесь одного...

— А связаться можете с ними и спросить? Может, они там не в курсе вообще? Не пойму, что происходит. У ребенка есть папа, и он его наверняка ищет...

— Они тут телефон оставили свой...

— Продиктуйте, пожалуйста.

Записав номер, я попрощалась с диспетчером и отключила рацию. И тут услышала, что Тиша позади завозился.

— Разбудила тебя? Прости... — Я поднялась и направилась к кровати. — Внизу медведь ходил, представляешь?

Тиша потер сонно глаза и посмотрел на меня непонимающим взглядом. А потом повернулся на другой бок и затих. Ну и славно. Пусть отдыхает, а завтра посмотрим...

Глава 2

— Все истоптали следы! — досадливо прорычал я, рывком хватая футболку с пассажирского сиденья. — А дождь смыл все, сто осталось после них. Черт бы его дер!

— Информации о ребенке нет нигде, — сообщил Лео, отложив мобильный. — Рустама не было, когда Тишу забрали. Подгадали, когда он в лес ушел, а это значит, что в поселке есть кто-то, кто смотрел за домом. Но Рустам как-то узнал и бросился в погоню...

— Я нашел его следы, — глухо отозвался я. — И следы борьбы там на месте — тоже. — Мы помолчали, прежде я продолжил. — Он спасал Тишку. И погиб за него.

— Выходит, Тишку унесли в руках?

— Там елки, вся земля иглами присыпана, кустов нет почти, кора на всех деревьях целая. Следы, что не достали до земли, исчезли. Тишка весит всего двадцать килограмм. Но, если бы его несли на руках, где-то остались бы следы. Хоть где-то!

— Может, была другая машина?

— Нет никаких следов, — отрезал я и опустил на сиденье, мрачно глядя во тьму. — Там дальше в двух километрах природоохранная станция. На ней женщина. Видела меня. Может, что-то заметила... Надо будет с ней встретится. Тебе.

— Слабый шанс. Слишком далеко, — с сомнением покачал головой Лео. — Но я поговорю.

Я только стиснул зубы и отвел взгляд.

— Кир, — позвал Лео, — не надо...

— Что?

— Без меня только не надо никуда соваться.

— Это не твое дело.

— Я тебя арестую и посажу за сопротивление властям, — хмуро пригрозил он, а я мрачно усмехнулся:

— Ну, да.

— Я не шучу. Или мы идем вместе...

— Это — не твое дело, Лео! — вскричал я. — Я решил быть тем, кто я есть! Мне и расхлебывать! Руса я уже угробил, мне еще и твою жизнь на себя повесить?!

— Ты и Рус всегда были моим делом, — спокойно возразил он. — И ты на моем месте поступил бы точно также.

Я стиснул зубы до скрежета и хлопнул дверью.

— Поехали в поселок, — процедил.

На пункте досмотра меня сразу же попросили выйти.

— Кирилл, здравствуйте, — подошел ко мне охранник. Лео вылез следом. — Сегодня утром приехали из следственного, потребовали открыть ваш дом для осмотра. — И он протянул мне документы. — Мы не смогли отказать. Все было оформлено должным образом. И примите соболезнования.

Почему-то только тут подумалось, что соболезнования принять можем действительно только мы с Лео, потому что были семьей Рустама.

— Спасибо, — кивнул я и повернулся к Лео, когда мы отъехали от пункта: — Интересно, как скоро это дело перешло под юрисдикцию моего мира? Кто его передал так шустро? Только вчера все случилось, а тут уже и следователи с обыском нарисовались... По какому поводу?

— Я узнаю, кто инициировал обыск, — хмуро отозвался Лео. — Я понятия не имел...

— Не кажется это тебе странным?

— Разберемся.

В доме все перевернули вверх дном.

Я прошел через гостиную, переступая через разбитую посуду и разбросанные вещи. В спальне Тишки и моей все шмотки вывернуты на пол, в кухне — полный бедлам. Лео грязно матерился и кому-то уже звонил, а я осматривался, стискивая зубы. Понятно, что не официальные службы тут порылись. И что документы, которые отдала мне охрана — поддельные. Поэтому и Лео не был в курсе.

В гостевой, где я поселил Рустама, все еще оставались его вещи, хоть и их вывернули из сумки. На тумбочке — бинты, лекарства, обезболивающее...

Жетон.

Я сгреб его и сжал с силой в ладони.

Такая злость и отчаяние затопили в одну секунду, что я едва не заорал, но взял себя в руки и медленно опустился на кровать. Отчаяние я пока отставлю на паузе. Сначала выясню, что с моим сыном, а там посмотрим. А вот злость... ее — да, стоит собрать в кулак.

Утром за нами тоже никто не явился. Я встала, сделала завтрак, помогла Тише умыться и почистить зубы. Хорошо, что были запасные комплекты для гигиены на станции. Но, когда я

уже приняла решение собрать Тишу и выехать в сторону районного центра, чтобы позвонить по оставленному мобильнику, у меня зазвонил полевой телефон.

— Ди, привет!

— Дед Гриш, ну наконец!

— А я у станции...

— Тебе передали про медведя?

— Да, все в порядке. Я с ружьем.

— Хорошо, сейчас спущусь.

Тишка насторожился на мои сборы, но я его успокоила:

— Все нормально, не переживай. Я тебя не брошу. Но нам главное папу твоего дожидаться. А то все там внизу будто бы забыли о нас. А вдруг папа тебя уже ищет и не может найти?

— А что за медведь? — спросил он тихо, подойдя к лестнице, пока я натягивала кроссовки.

— Вчера к станции подходил медведь, представляешь? — с радостью сменила я тему. — Ты как раз уснул, а я вышла на площадку. Большой...

Тиша нахмурился.

— Диан, — позвал он тихо, — это мог быть папа...

Я сосредоточенно завязывала шнурки, не выдавая эмоций. Нет, ну, ребенок, живущий в лесу, мог впечатлиться атмосферой и природой и нафантазировать себе всякого. Кроме того, может, иногда проще поверить, что твой папа — медведь и на самом деле рядом, чем чувствовать себя брошенным.

— Тиш, но люди ведь не становятся животными, — спокойно возразила я и подняла на него взгляд. — А папу мы твоего обязательно найдем.

Он тревожно вздохнул.

— Я быстро. К деду Грише спущусь и обратно...

Но быстро не вышло.

— Дом в поселке перерыли те, кто пытался убить Тимофея, — тихо сообщил дед Гриша. — Я объяснил следователям, что представляю местные власти, и собрал питомцев мальчика, пока они там не растоптали бедных ящериц и змеек. Там все террариумы побиты и перевернуты вверх дном. — Он сделала паузу, вздыхая. — И вещей его немного прихватил.

— Блин, а как же его папа? — обескураженно выдохнула я, глядя на кучу коробок, которыми был забит салон маленького джипа лесничего.

— Там папа еще такой, — махнул дед рукой, — я поузнавал у следователей. У этого папы могут вообще изъять ребенка. Он занимается всяким противозаконным.

— Бедный Тиша, — вздохнула я и обернулась на шпиль станции, видневшийся между деревьев. — Гриш, что же делать? У меня есть телефон следователей...

— Забери его себе, Диан, — вдруг серьезно предложил Гриша. — По крайней мере, пока его дело будет решаться...

— Да кто мне его отдаст?! — опешила я. — Гриша, ты шутишь?

— Хочешь, я могу все уладить, — серьезно предложил он. — Ребенок зарегистрирован в областном центре, я все выяснил. Я могу договориться, и тебя даже не спросят ни о чем...

— Подожди, — нервно усмехнулась я, — как это? Ребенок — это куча документов, собеседований, времени...

— Какая куча документов? — возразил дед. — Твой муж просто похитил твоего сына, и никто ничего сделать не может! Всем плевать!

Я застыла от его такой хлесткой фразы, а он смущенно протер лицо и вздохнул несколько раз:

— Прости, я не хотел. Не спал сегодня с этим всем...

— Нет, ты ведь прав, — отрицательно качнула я головой. — Какой смысл щадить чувства, если все прекрасно понимают законы суровой действительности?

А внутри уже что-то сжалось от принятия ситуации — мне нравится Тиша. И я бы хотела ему помочь. Почему нет? Я ведь живу одна, а ему плохо сейчас. Мы поладили, и я буду только рада побыть с ним, пока все не решится.

— Я могу не пройти по финансовому доходу, — с сомнением сообщила я, тяжело дыша. — Да и надолго ли это?

— Все решаемо, — мягко возразил дед Гриша. — Диан, а, может, это неплохой шанс для вас обоих? Вы явно нужны друг другу.

— А как же его отец?

— Где он? — резонно возразил Гриша. — Его не могут найти. И он занимается незаконной работой...

— Это не повод отбирать у него сына. Кто-то чужой слишком много сейчас решает за их семью, — решительно оборвала его я. — Я сделаю все, что зависит от меня, но помогать отбирать ребенка у его отца я не буду!

— Тише нужна защита, — горячо возразил дед. — Служба по защите детей должна взять под контроль жизнь этого мальчика. А отцу нужно было думать раньше...

— Ты слишком строго судишь.

— Возможно. Но то, что произошло с Тимофеем заслуживает именно самого строгого суждения! — не отступал он. — Ребенка собирались то ли похитить, то ли убить в результате деятельности его отца. На глазах Тимофея произошло убийство друга семьи! Ты правда хочешь ему такой перспективы и в дальнейшем? Хотела бы ты такого же для собственного сына?

Я тяжело сглотнула и спрятала лицо в ладонях.

— Ладно. Хорошо... — выдавила, наконец. — Ты прав.

— Ну вот и славно. Тогда забирай ребенка, а я — в районный центр поеду, поговорю, — заключил он и кивнул на заднее сиденье машины. — И оставлю твои контакты, чтобы отец смог с тобой связаться. Но ни в коем случае не адрес. Решение о том, может ли он навещать ребенка, будет приниматься опекой.

— А если он... черт! — Я заходила туда-сюда перед машиной. — Он может быть против! И... конечно же будет!

— Наверняка. Поэтому адреса ему никто не даст. Его проверяют сейчас, Диан, пригоден ли он вообще быть отцом. И этот процесс уже не остановить. Если Тишу сейчас отдать органам опеки, его отправят в детский дом. И я скажу тебе больше — его отец не пройдет эту проверку. В поселке его никто не знает, дом он там купил всего полгода назад. За него некому поручиться. В детском садике Тиши его ни разу не видели. Только сиделку.

Я замерла, глядя на деда отчаянно.

— Поэтому то, что он думает по этому поводу, ничего не значит, — заключил он. — А Тишке путь сейчас в детский дом.

Нет-нет-нет, в детский дом я Тишу не отдам!

— Хорошо, я заберу его пока к себе, — решительно кивнула я. — Сейчас вытащу тебе ключи от машины...

На станцию я возвращалась в таком состоянии, будто мену обухом по голове ударило. Мысли не давали покоя, а сомнения били по рукам. Но Гриша прав. Тиша нуждается в заботе и внимании. Ну какой детский дом? Как можно?

Тиша нашелся на смотровой площадке.

— Любуешься? — улыбнулась я, выходя к нему.

— Да, — кивнул он. — Здорово тут...

— Тиш... слушай, тут такие новости... — Мальчик повернулся ко мне и настороженно замер. — В общем, пока твоего папу не нашли, дед Гриша говорит, что ты мог бы пожить со мной. Что скажешь?

— А папа меня найдет, если что, да? — встревоженно поинтересовался он.

— Конечно. Ему оставят мой номер мобильного.

— Хорошо, — кивнул Тиша серьезно. — Только мне нужно домой, у меня же там мои животные ...

— Тиш, в дом заехать не получится, — присела я рядом с ним, — дед Гриша говорит, что... его весь перевернули те, кто... в общем, он собрал твоих питомцев и привез с собой. Они в его машине в контейнерах.

Мальчик собрал бровки домиком и раскрыл глаза, наполненные отчаянием.

— Мне жаль, — взяла я его за руку.

— Он всех собрал? — взволновано спросил Тиша, часто дыша. — И Санчеса, и Крипера?

— Нужно будет проверить, что там у него в контейнерах. Но уверена, он взял всех, кого смог найти.

— Сейчас можно будет посмотреть? — нетерпеливо сжал он мою руку. — Пойдем, Диан, надо посмотреть!

— Идем, конечно. Если ты согласен пока побыть у меня, мы с тобой собираемся и едем ко мне со всеми твоими питомцами.

— Хорошо-хорошо, — закивал он. — Поехали.

Мы собрались за десять минут. Я помогла Тише спуститься и передала его деду Грише вместе с ключами от машины, а сама вернулась за рюкзаком. Когда я вышла на площадку, где стояли две машины, Тиша уже деловито проверял пластиковые контейнеры, расставленные перед машиной на площадке, ловко щелкая крышками.

— ...мадагаскарские тараканы, — заключил он с очередным щелчком.

— Какие... тараканы? — моргнула я, оборачиваясь от багажника.

— Мадагаскарские, — деловито повторил он. — Вся семья тут — папа Джек, мама Полина... Еще аргентинские у меня есть. И домино. У меня много тараканов.

— Ух ты, — нервно выдохнула я. — И как же дед Гриша умудрился это все собрать?

Ну, а что удивляться? Одинокий ребенок завел себе семью сам. Только из тараканов.

— Сложнее всего было с пауком, — довольно сообщил дед, и мне стало совсем нехорошо.

— Пауком? — пискнула я.

— Да ты не переживай, Ди, он пушистый, почти как котенок.

— Это Каспер, — восторженно возвестил Тиша и сунул руку в контейнер... о, господи!

— Тиш, осторожно! — воскликнула я, но Гриша меня придержал.

— Он пугливый, — нежно погладил огромное восьмилепое мохнатое чудище Тиша, когда оно заползло ему на ладошку. — Привет, Каспер. Испугался, малыш?

— Диан, — отвел меня в сторону Гриша, пока Тиша проверял остальной свой зверинец. — Возьми. — И сунул мне в руку конверт. — Это вам с мальчиком. Ты была не готова ко всему, поэтому позволь мне помочь.

— Слушай, Гриш, — округлила я глаза, пытаюсь увернуться от конверта, — ну ты что...

— Ты не представляешь, сколько всего нужно семейству тараканов и всех остальных даже на какое-то время, — весомо обозначил он и ловко впихнул мне конверт в карман толстовки. — Не спорь.

Я вздохнула:

— К тараканам меня жизнь не готовила.

— Поверь, они гораздо симпатичнее тех, что ползают у нас в голове.

Я усмехнулась, но тут Тиша вздохнул позади:

— Агата пропала...

— Кто такая Агата? — осторожно поинтересовалась я.

— Гигантская испанская сороконожка.

Я округлила глаза и перевела отчаянный взгляд на деда, но тот украдкой мне подмигнул. Ну, что ж... Хорошо, что хотя бы Агата к нам не переезжает.

Через час мой дом уже оцепила команда следователей и криминалистов, но толку? Я курил на крыльце, встречая рассвет, пока Лео заправлял процессом, и раздумывал, что именно искали у меня в доме.

У таких, как я — так называемых «коллекторов» — всегда много конкурентов. И я хорошо понимал, что именно стало причиной нападения на меня. Я отказывался подчиняться основной структуре, работавшей с международными заказчиками. Пока у меня не было сла-

бостей, я мог себе позволить никому не подчиняться. Но мои слабости сразу стали известны. Нет, Тишки уже нет в живых — это никому не нужно. Меня взяли наказывать и сделали это. За слишком большую самоуверенность и отказ подчиняться кому-то.

А еще я думал, что сейчас докурю и, пока дружище занят работой, тихо скроюсь. Не его это дело, и рисковать головой я ему не позволю. Пусть занимается своей работой. А я займусь своей.

— Я тут выяснил, — подошел ко мне Лео, — что вчера здесь были не только липовые представители следственных органов. Утром сюда наведлся еще и местный лесничий.

— Ему-то что надо было? — нахмурился я. — Он из наших что-ли?

— Он ведьмак. Какой-то вояка в отставке. Убийство произошло на его территории, поэтому у него и пропуск сюда был, и допуск к следствию.

Я неприязненно поморщился. Ох уж эти ведьмаки! Везде свой нос сунут, во всем приглядывают за оборотнями, ты посмотри! Даже в лесу не скрыться от их бдительности!

— И что он тут делал?

— Просто осматривал территорию уже после визита следователей.

— И никуда не доложил, что мой дом перевернули далеко не следователи?

— Доложил. Часть народу здесь — не из моего следственного отделения. Их вызвал лесничий. А еще он уже успел поговорить с няней Тимофея. Женщина пришла утром навестить твоего сына, и застала лесничего.

— Вон оно что, — неприязненно поморщился я.

— Я думаю с ним поговорить. И с той смотрительницей станции, которую ты видел, тоже.

— Ну, поговори.

— Кир, — хмуро посмотрел на меня Лео, — я тебя предупредил. Рванешь куда-то — уложу мордой в пол...

— Я слышал, — отвернулся я.

Чем больше я осознавал произошедшее, тем отчетливей понимал — смысла не стало. Меня загнали в угол, а из него нет пути к прежней жизни. Все. Я облажался. Добегался. Я никого не пощажу. И если Тишки нет больше — смерть причастных не будет легкой...

— Кир...

— Что? — огрызнулся я.

— Не хочешь сам поговорить с лесничим?

Я сжал зубы.

— Ты хочешь, чтобы я потратил время и отвлекся на бесполезные разговоры? — процедил.

— Может, мне сразу тебя закрыть на недельку-другую? — угрожающе понизил голос Лео.

— Можешь попробовать, — принял я его вызов.

— Как насчет того, чтобы включить голову ненадолго и убедиться в том, что сына искать поблизости бесполезно? Согласись, будет глупо, если ты угробишься в процессе мести, и он останется сиротой?

Я скрипнул зубами и отвернулся.

— Кир, давай так, — примирительно заговорил Лео, — как только выясним, что ребенка на самом деле забрали, я приму любое твоё решение. Захочешь мстить — я не буду мешать...

— И не полезешь со мной, — вставил я.

— Этого я обещать не могу и не буду, — отрезал он. — Но, пока мы не убедимся в этом, ты остаешься на нейтрالي. Договорились?

— Хорошо, — нехотя согласился я и отвернулся от дома.

Смысла разговаривать с местными экологами я не видел. Их не было поблизости. Кроме того, следовательно все равно притянут их на допрос рано или поздно. Но это уже не вернет мне ни сына, ни Рустама.

— Поехали.

Я вынырнул из своих мыслей:

— Куда?

— Ну, к станции, — развел Лео руками.

— Я вчера там был. Никаких следов там нет...

— Ты обещал, — бросил он и направился к машине, — поехали.

Дед Гриша помимо прочих вещей прихватил из дома Тиши детское автомобильное кресло, постельное белье и много всего прочего, что едва влезло в мой багажник. Все заднее сиденье мы забили пластиковыми коробками с питомцами Тиши, а предстояло еще заехать за продуктами. Но это я решила отложить на вечер, ведь надо успеть еще на две встречи.

Добравшись до дома, я только успела перетащить все в свою хрущевку на пятый этаж и помчаться с Тишей в центр, где у меня была назначена встреча с юристом. До нее оставалось еще сорок минут, когда мы уселись в ближайшее кафе перекусить. И снова Тиша с энтузиазмом принялся есть хот-дог, сосредоточенно пережевывая и запивая все соком.

— Тиш, ты когда голоден, говори мне, ладно? — обеспокоилась я. — Может, ты давно хотел есть?

— Нет, я сейчас захотел, — заверил он со своей детской непосредственностью. — Диана, а мы сможем купить живых сверчков?

— Сверчков? — переспросила я настороженно. — Наверное. А где?

— В зоомагазине. И еще мучных червей, зофобаса...

— Ладно, — обреченно кивала я. — Сразу после встречи мы этим займемся.

— Я могу написать, — огорошил он меня.

— Хорошо, — медленно кивнула я, — тогда тебе будет, чем заняться, пока будешь меня ждать. Да?

— А еще нужно будет замороженных мышей, — серьезно сморщил он лобик.

— Напишешь... кхм... все. Все купим.

— Ладно, — с готовностью закивал он, но следом погрузился над остатками десерта. — Мне раньше папа все покупал.

— Тиш, он найдется. Уверена, со дня на день он объявится...

— А вдруг его тоже убили? — неожиданно спросил он, поднимая на меня совершенно не детский взгляд.

— Тиш... — я поднялась со своего стула и пересела на диванчик рядом с ним, — почему ты так решил?

— Ну... — он вздохнул и с готовностью прижался к моему боку, когда я обняла его, — у него опасная работа. Я слышал.

— Ты очень напуган. Но это не значит, что с папой тоже что-то случилось. Ты ведь говорил, что он в командировке. Он приедет, и ему дадут мой номер. А потом он позвонит, и я все ему расскажу.

И я крепче прижала его к себе, лихорадочно соображая, как еще успокоить ребенка.

— Я буду рядом, Тиш. Не брошу тебя.

Он шмыгнул носом.

— Давай, доедай десерт. И купим тебе блокнот для записей, а после моих встреч поедем покупать все по списку, да?

— Да, — тихо выдохнул он.

— Ну вот и славно, — улыбнулась я и потерла его маленькие плечи.

Хотя, сейчас мне самой хотелось, чтобы меня кто-то также прижал к себе и дал тепло взаимы. Встречи с адвокатом по делу о похищении моего сына лишали меня сна и вообще жизни.

И новая не стала исключением.

— Добрый день, Диана, — улыбнулась мне Нина от стола, когда я заглянула в кабинет. — Проходи. О, ты не одна?

— Здравствуйте, это Тимофей, мой подопечный, — и я провела Тишу следом за собой. — Можно, он посидит на диване, пока мы пообщаемся? К сожалению, не с кем оставить...

— Конечно, садитесь.

Нина явно оттягивала неприятные новости, продолжая с улыбкой смотреть на то, как располагается Тиша за столиком, как достает блокнот и карандаш.

— Я буду писать в столбик, — серьезно сообщил он мне.

— Да, так будет удобнее отмечать то, что купим, — кивнула я, пытаясь заглушить адресалиновый пожар в груди.

Но, когда повернулась к адвокату, сердце рухнуло в пятки.

— Новости не очень, — призналась она удрученно.

Я прикрыла глаза, давая себе секундную передышку перед вопросом:

— Испанский суд вынес решение?

— Пока нет, но их затягивание уже само по себе плохой знак. Более того, вчера мне поступила информация от коллег в Мадриде — ваш бывший муж подал встречное ходатайство о лишении вас родительских прав.

Я спрятала лицо в ладонях. Теперь становилось понятно, что вся эта история с поездкой свекрови за границу спроектирована специально, чтобы у Игната появилось основание затянуть процесс.

— Я понимаю, на каком основании.

— Диана, я знаю, что вам тяжело. И то, что вас спровоцировали специально — тоже. Мы будем бороться.

— Но они тянут время, — сипло возразила я. — Мы же с вами знаем, что, когда пройдет год, мы уже не вытащим Рому из Испании...

— Год еще не прошел, — твердо возразила Нина. — Соберитесь, Диана. Мы будем продолжать придерживаться прежней стратегии...

— Я сама виновата, — прошептала я и тяжело сглотнула.

Нина подняла трубку и попросила секретаря принести мне кофе, давай всем передышку.

— Тимофей, ты будешь что-нибудь? — глянула она на Тишу.

— Я буду печенье, — с готовностью отозвался он.

— С молоком?

— Можно.

Нина улыбнулась:

— Откуда у вас этот прелестный мальчик?

— Это долгая история, — вымучено ответила я на ее улыбку и понизила голос: — Ввиду трагических обстоятельств он остался один в лесу и вышел к моей станции.

— Ох, ничего себе, — ахнула Нина. — Вы же работаете на станции наблюдения за пожарами в области...

— Да. Пока органы опеки ищут папу Тимофея, он остается у меня.

— Понятно, — удивленно кивнула она. — У вас — большое сердце, Диана.

Я потерла виски и скосила глаза на папку с моим делом на столе, пытаюсь собраться с мыслями.

— Вы говорили, что суд должен вынести решение по Гаагской конвенции в течение шести месяцев, — заговорила я, когда Нина вернула на меня взгляд.

— Испанские суды нашли способ обходить эти сроки. Они заявляют о необходимости «тщательного изучения обстоятельств дела» и психологического состояния ребенка. Психолог, назначенный судом, пришел к выводу, что Рома «успешно адаптировался к новой среде» и «демонстрирует стресс при упоминании о возможном возвращении в Россию».

— Что?! — воскликнула я. — Что за бред?

— Они начали давить на адаптацию, как я и предупреждала. Адвокаты вашего бывшего мужа представили свидетельские показания воспитателей, которые подтверждают, что мальчик «хорошо интегрировался в испанскую систему».

Я сделала медленный вдох, а Нина кивнула:

— Да, мы все это проговаривали, и я гарантировала, что именно так и будет.

— Я ведь даже не знаю адреса его проживания... — бессильно выдавила я и почему-то повернулась к Тише.

Мальчик увлеченно писал в блокноте, временами прерываясь на печенье с молоком.

— До конца месяца суд должен вынести предварительное решение. Если оно будет отрицательным, у нас останется право на апелляцию. После я подаю иск об определении места жительства.

Я впала в ступор, и Нина, не дождавшись ответа, продолжила:

— Диана, у меня к вам еще одно предложение есть... Вернее, момент, который надо бы обсудить.

— Да, — шмыгнула я носом, поднимая на нее взгляд.

Нина вздохнула, а потом заговорила, подбирая слова:

— Следующее, на что будет давить адвокат вашего мужа — ваше одиночество и финансовое состояние. И, если из этого инцидента с вашей свекровью я вырулю относительно легко, то в этом вопросе мы конкретно забуксуем. Во-первых, времени уже пройдет больше, во-вторых, когда давят на приоритетность адаптации, будут учитывать то, что у отца Ромы гораздо больший доход, чем у вас.

— У меня было все нормально с доходом, пока не случилось похищение! — вспыхнула я. — Конечно, ведение дела меня оставит в глубокой финансовой яме!

— На это и расчет, — смущенно кивнула Нина, будто это была ее вина в том, что услуги адвокатов стоят денег.

— Черт, — уронила я голову на руки.

— Если у вас есть какие-то отношения, то замужество и финансовая стабильность...

— Нина, никаких отношений и стабильности мне не светит, — устало перебила я ее. — Прошу вас, давайте подумаем о других стратегиях. О том, что у меня все же похитили ребенка, а бывший муж объявлен в международный розыск, черт его дери! — Я смущенно прикрыла глаза. — Простите... простите, пожалуйста.

— Все в порядке, Диана, я все понимаю. Но не могла не предложить. Потому что эта стратегия была бы самой выигрышной.

— Я понимаю. Но никакого шанса для этой стратегии нет.

— Может, друг? Близкий знакомый? — осторожно поинтересовалась она.

— Вы считаете, что фиктивно выйти замуж — вариант?

— Считаю, — твердо постановила она.

— Ну, а доход я где возьму?

— Это лишь вторая часть стратегии. А тот факт, что судебные тяжбы оставили вас в финансовой нестабильности, я буду использовать в нашу пользу. Из всего можно извлечь выгоду.

— Я... подумаю, — болезненно поморщилась я.

— Хорошо. Тогда созвонимся.

Я забрала Тишу и на негнущихся ногах вышла из кабинета адвоката.

— Диана, я все написал, — сунул мне блокнот Тиша, когда я пристегнула его к сиденью.

Я пыталась собрать мысли в кучу, собраться самой и продолжать жить, но дыхание сбивалось, а в глазах щипало от желания сдаться и разреветься. Даже механические действия на автопилоте стоили труда. Маленькие печатные буквы на блокноте все же немного поплыли, и пришлось протереть глаза. Нельзя. По крайней мере, не сейчас. У меня теперь есть Тиша.

— Диан, Рому не вернут? — тихо спросил он.

— Я не знаю, — прошептала я. — Но буду делать все возможное.

— Неужели его папа не понимает, как Рома скучает по тебе? Ведь ты его мама...

— Не понимает, — вздохнула я неожиданно глубже. Необходимость объяснить все Тише каким-то образом помогла собраться.

— Я бы ненавидел такого папу, — хмуро заявил Тиша. — Рома тоже вряд ли его любит теперь.

— Я думаю, что Роме не говорят правды, — обреченно ответила я. — Кому захочется, чтобы его перестали любить? Думаю, папа Ромы ему врет, что я его бросила... Или еще что-нибудь...

— Он не простит, — решительно заключил Тиша. — Рома, когда вырастет, все равно все узнает и не простит. Поэтому его папа поступает неправильно. Он у вас глупый.

— Ты такой взрослый, Тиш, — улыбнулась я грустно. — И ты прав во всем. Я буду бороться за Рому и дальше. А пока мы займемся твоими подопечными и нашим холодильником, да?

— Да, — просиял он.

Тут я нащупала конверт в толстовке и вспомнила, что дед Гриша сунул мне деньги. Покачивая головой, я развернула конверт и округлила глаза.

— Ну, капец, — вырвалось у меня.

— Что это? — вытянул шею Тиша.

— Это дед Гриша денег отсыпал. Возомнил себя золотой антилопой.

Тиша рассмеялся.

— Это значит, что у нас много денег?

— Очень много денег, — смущенно пробурчала я. — Хватит обустроить твоих питомцев по высшему классу.

— Это значит хорошо?

— Очень хорошо.

— Класс.

— Точно, класс, — улыбнулась я и завела двигатель. — Помчали!

Глава 3

— Ты ел что-нибудь? — поинтересовался Лео, выворачивая руль и въезжая на небольшую площадку, на которой бросали транспорт экологи и лесники.

— А-то что, тоже посадишь? — буркнул я и толкнул двери.

На площадке было пусто, но свежие следы транспорта обнаружились сразу же. Я присел и осмотрелся. Две машины. Одна стояла долго, легковая малолитражка. Наверное, принадлежала этой женщине со станции. Вторая — джип, но небольшой. Он приехал утром. И следы...

— Нет, серьезно, Кир, не будешь жрать...

— Смотри на следы, — перебил я его и опустилсЯ ниже, настораживаясь. Кажется, идея заглянуть к экологам не была такой уж и бесполезной. — Совсем недавние...

На присыпанной песком площадке явно читались следы тяжелых мужских сапог, кроссовок и детской обуви. А вот здесь ребенок опустилсЯ на колени и что-то двигал по песку...

Я сжал челюсти и зарычал.

— Тишка? — насторожился Лео.

— Вероятно, но нужно убедиться. — И я начал раздеваться.

Только зверь может разобрать все тонкости запахов, которые еще могли остаться в округе, и понять, какой путь и откуда прошли те, кто оставил тут следы. Пока Лео осматривался, беспокоясь за наше одиночество, я стянул джинсы и бросил вещи в машину, а потом обернулся за два вдоха. Да, нельзя... Да, можно остаться без сердца, и вообще это рискованно. Но каждую секунду ветер разносил запахи по округе, и я рисковал потерять след. А этот след сейчас для меня значил все.

В первый вздох больших легких закружилась голова. Эх, нужно было пожрать — тут Лео прав. Но я тряхнул башкой и принялся. Это совершенно точно Тишкин след! Я припал носом почти что к самой земле и направился за по тропинке в кусты. Лео направился за мной, а вскоре показалась та самая станция, у которой я кружил вчера ночью. Запах сына так четко слышался, будто он прошел тут от силы полчаса назад! Я с жадностью его вдыхал, различая также четко и запах женщины — ее одежда, которой она цеплялась за деревья, хранила нижние ноты духов, зубной пасты и ванили. Рот наполнился слюной...

... а сердце — надеждой.

Тишка жив.

— Это комната Ромы?

Тиша замер на пороге детской, которую я наскоро соорудила, когда пришлось продать прежнюю квартиру. Здесь же не было ремонта, но от прежних жильцов остались вполне неплохие нейтральные обои, а оживить пространство не составило труда — шторы веселого цвета, веселые картинки в рамках и письменный столик у окошка. Только Рома сюда так и не вернулся. А я, каждый раз заглядывая сюда, чувствовала пощечину судьбы и слышала ее ехидное: «Он не вернется к тебе, все напрасно...»

— Теперь — это твоя комната, — улыбнулась я Тише. — Рома тут ни разу не был.

— А когда вернется...

— Но, ведь и папа твой вернется, — возразила я и присела рядом. — Тиша, я тебя не оставляю ни при каких условиях. Даже когда с папой твоим все решится, мы попросим его, чтобы он позволял нам видеться, да? Или будешь приезжать ко мне, когда ему нужно будет уехать? Думаю, он не будет против. Надо только подождать, когда все решится у него...

— А у тебя включен мобильный? — тревожно глянул на меня Тиша.

— Конечно. — И я протянула ему аппарат. — Круглые сутки.

— Хорошо.

— Ну, что? Пошли переселять твоих друзей из контейнеров?

— Пошли.

Все, что нужно было по списку, уже частично доставили. Вторая партия ожидалась завтра, но и сегодня у нас определено было, чем заняться.

Я улыбнулась и обняла Тишу прежде, чем направиться с ним в мою комнату. Обниматься у нас становилось привычным ритуалом. Тиша обнимал меня, я — его, и это будто давало что-то важное, чем можно заполнить такую пустую и мрачную минуту отчаяния нас обоих. Он словно сухая губка, впитывал каждое касание по капельке и раскрывался все больше. Когда мы приступили к переселению его питомцев, Тиша с нетерпением погрузился в процесс. Я же честно пыталась себя успокоить, что это всего лишь питомцы маленького мальчика, и я-то точно со всеми ними справлюсь. Но что-то пониже сердца подрагивало, когда из коробок снова и снова слышался жуткий шелест.

Но начало процесса обнадежило. Бананоед Санчес оказался ну очень забавной ярко-желтой ящеркой со смешной мордочкой и невероятными пальчиками, гнущимися внутрь. Я держала его в руках, пока Тиша открывал створку террариума.

— Можно сажать? — уточнила я.

Но не успела и глазом моргнуть, как Санчес сам вспорхнул из ладони и шмякнулся Тише на футболку. Я ойкнула и дернулась, а Тиша рассмеялся. Я расхохоталась следом. Но, когда пришло время вытаскивать полоза Криспера, смеяться перехотелось.

— Он спокойный, — успокаивал меня Тиша, — и не кусается совсем...

То, как он ловко и бесстрашно вытащил красно-белую змею из пустого контейнера, заставило меня замереть и выкатить изумленно глаза.

— Какой ты смелый, Тиша, — выдохнула я.

— Ничего особенного, он же не страшный, — объяснял он, укладывая змея в контейнер побольше. — Ему нужно сделать влажную камеру, и нужен мох.

— Вот, держи, — передала я ему коробку и принялась заворуженно наблюдать, как Тиша набивает мхом пластиковую коробочку поменьше. — С ума сойти. Ты, наверное, будешь биологом, когда вырастешь...

— Я же говорил, что хочу быть пожаротушителем, — серьезно возразил он.

— Ах, да, прости, я забыла, — улыбнулась я.

За этим занятием я почти забыла о второй встрече, на которую мы с Тишей едва не опоздали сегодня. Мне пришлось пережить несколько неприятных минут в кабинете следователя, ожидая разборок по заявлению свекрови, но все прошло гладко. Следователем оказалась взрослая женщина, которая с неожиданным пониманием отнеслась к моей истории. Она пообещала, что сделает все возможное, чтобы это заявление не получило хода. Но я понимала, что главный результат у моего мужа уже есть. Я попала на его удочку и дернулась ровно настолько, насколько он и хотел, и теперь судебное дело по моему сыну максимально замедлилось.

— Диана, а для Каспера не пришел террариум?

Я вынырнула из мыслей.

— Каспер?

— Мой паук...

— А... Нет, еще не пришел, — замотала я головой слишком интенсивно, но Тиша не заметил:

— Тогда пересадим мадагаскарских тараканов вот сюда...

Я мысленно застонала, но, натянув перчатки повыше, кивнула:

— Пересадим.

Чего только не видала эта хрущевка, в самом деле! И тараканов я отсюда выметала, и пауков, которые, хоть и уступали в размерах Касперу, были гораздо более пугающими. Каспер бы не позволил себе падать мне на голову и скатываться в лицо. А те... брррр, в общем! Полозов, тут, конечно, не было, но соседка из соседней квартиры — та еще гадюка...

Когда все террариумы загорелись лампами, у Тиши в комнате стало, как в зоомагазине. Хорошо, что при покупке понимающий консультант обеспечил меня удлинителями, а также подарил простенький, но прочный стеллаж, на котором это все разместилось. Ну, большая часть...

— Теперь главное, чтобы у нас ничего не сбежало к соседке, Тиш, — заключила я, довольная итогом. — У тебя же точно нет ничего ядовитого?

— Папа не разрешает, — вздохнул он, — говорит, что только когда вырасту.

— Он прав. Ну, давай ужинать, мыться и спать?

— Угу, — без энтузиазма кивнул он.

За ужином Тиша совсем пригорюнился, и только, когда я уже разгладила на нем Ромкину пижаму, поднял на меня глаза:

— А можно я с тобой посплю?

— Можно, — улыбнулась я.

Он просиял и обнял меня за шею, а я прижала его к себе крепче. Какой же ты хороший, маленький добрый ребенок. И почему же мир был так к тебе несправедлив?

Перед тем, как отпустить Тишу спать, мы с ним разобрались с выключателями, и я уяснила, что на ночь теплые коврики у Санчеса и Криспера отключать нельзя. А вот свет мы погасили, и детская погрузилась в темноту, в которой сразу же зловеще зашелестело.

— Как ты думаешь, папа уже все знает? — тихо спросил Тиша, когда мы уже лежали в моей кровати.

— Быть может...

— Тогда он должен уже позвонить?

— Он обязательно позвонит...

Когда Тиша уснул, я выскользнула из спальни и прикрыла двери. Думала, что тишина навалиться на меня и раздавит отчаянием, но нет. Стало просто тихо. Я будто взяла взаймы эту тишину, которая мне не принадлежит. Тиша скрасил для меня этот угрюмый полный разочарования день, но когда-то его заберет отец, и я снова останусь одна со всем этим...

Вздохнув, я прошла в кухню, заварила себе чаю и села у окна, обняв чашку. Как же это все странно! Что это за задумка у судьбы подкинуть мне Тишу? И возраст у них с Ромой один. Надо же... Только истории разные. Хотя, в чем-то и похожи. Они оба остались без мамы. С отцами. Но, если я знала Игната, то отец Тиши оставался неизвестным персонажем.

Я почему-то не сомневалась, что он быстро все уладит и вернет себе сына. Мне рисовался такой... суровый мужчина, решительный и властный, который может себе позволить и жизнь в

элитном поселке, и няню для сына, и охрану для него же. Только времени у него нет, потому что он очень занят по работе. И вечно в разъездах. Думаю, он позвонит, скажет, что все улажено, и попросит адрес, чтобы забрать Тишу. Может, даже завтра. При этой мысли у меня сжалось все внутри и застыло. И я вздрогнула, когда мобильный на столе вдруг зажужжал от неизвестного входящего.

— Кир, спокойно, — схватил меня за плечи Лео, но сдвинуть не смог.

— Что значит вы забрали ребенка до окончания расследования?! — взревел я. — Я больше суток думал, что его нет в живых!

На моем последнем слове в замшелом кабинете отдела опеки отчетливо вздрогнули стекла в деревянных рамах. Вообще все отделение грозило рухнуть от ветхости в любой момент. Тут, наверное, уже лет десять как ни одного дела не прилетало, а тут — какая удача! И этот плешивый сморчок-ведьмак, взиравший на меня равнодушно поверх очков, схватился за него, как за что-то реально стоящее! Будет выдавливать повод потрепать нервы... А мне как раз очень хочется хоть кого-то убить!

Ведьмак только недовольно заметил:

— Будете тут орать на меня, я передам ваше дело в федеральный отдел. И посмотрите, долго ли вас будут слушать там.

— Передавайте!

— Кир, хватит! — оборвал меня Лео.

Я попытался выровнять дыхание, но, стоило бросить взгляд на стол, за которым сидел ведьмак, и меня снова начинало срывать. Поверх белой папки с делом Тишки были небрежно рассыпаны фотографии с места убийства Рустама...

— Кто подал заявление? — потребовал я.

— Следователи, — ответил Лео за ведьмака. — Если я могу тебя оставить так, чтобы мне не пришлось тебя арестовывать в следующую минуту, как самому ближайшему работнику следственного, то я могу позвонить и выяснить обстоятельства.

— Я в порядке, звони, — раздраженно процедил я, шумно вздыхая.

Когда Лео вышел, я перевел взгляд на ведьмака. Важный такой, спокойный... Понятия не имеет, что ведьмаков я убивать тоже умею. А за Тишку я убью всех, кто встанет у меня на пути... Но, сперва стоит попробовать обойтись без убийств.

— Простите, — заставил я себя выдавить хрипло. — Я не хотел. Но мне нужен мой сын обратно...

— Все в рамках протокола, — равнодушно пожал плечами ведьмак и подался вперед, складывая локти на столе. — Мы должны проверить обстоятельства, при которых ваш приемный сын остался в одиночестве в лесу. Когда следственный комитет выдаст заключение, наш отдел займется вашей проверкой, а именно того, соответствует ли ваш образ жизни потребностям Тимофея...

— Ой, да что вы! — взвинулся я. — Обратни-сироты живут в таких условиях, что без слез не взглянешь, и ни один ведьмак из отдела ни разу не сунет нос в приют. Зато отбирать уже пристроенных детей — тут вы первые!

— Приюты не входят в нашу область контроля, — меланхолично возразил ведьмак, с интересом меня рассматривая. — Мы контролируем лишь жизнь своих бывших подопечных. Кроме того, если продолжить беседу неофициально, уж лучше ваш приемный сын будет живым, пусть и в приюте, а не случайной жертвой каких-то криминальных разборок, которой он едва не стал. Как вы считаете, Кирилл?

— Где он? — потребовал я.

— Я не имею права вам говорить. Могу сказать лишь одно — ему нравится там, где он сейчас находится. Он в безопасности. И окружен заботой, которой ему явно не хватало...

— Я не имею права вам говорить. Могу сказать лишь одно — ему нравится там, где он сейчас находится. Он в безопасности. И окружен заботой, которой ему явно не хватало...

Я только скрипнул зубами и покачал головой:

— Вы, видимо, понятия не имеете о заботе, — прорычал я. — Тишка меня любит, а я люблю его. И я никому его не отдам! Он прошел через ужас, который в голове не укладывается, и остался один не известно где и с кем! И вы меня считаете врагом его благополучия?!

— Кир, я же просил, — слышалось за спиной укоризненно, и в кабинет вернулся Лео. — Пошли. Тут нам ничего не скажут.

— Подожди, — глянул я на друга и перевел глаза на деда снова. — Послушайте, я должен сказать сыну, что ищу его, что очень переживаю и что знаю обо всем, что он пережил! Вы не можете забрать у меня это право! Он будет меня ждать, волноваться! Я должен его услышать...

Договариваться с кем-то по-хорошему для меня было непривычно. Я отвык. В моей работе слова ничего не решали, только сила и опыт охоты. А здесь вдруг меня ткнули в необходимость договариваться, да еще с кем?! Со структурой, которая делает вид, что заботится о благополучии обратной сирот, во главе которой сидит ведьмак?! Дерьмо...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.